

ФРАЗЕОЛОГИЯ ГОРОДА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Е.Н.Степанов

(кандидат филологических наук, доцент, Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова)

У статті розглянуто шляхи формування та особливості функціонування фразеології міста як соціально-лінгвокультурного простору на прикладі одеських і петербурзьких фразеологізмів, визначено їх місце в системі різних за “зовнішнім масштабом” лінгвокультурних просторів.

The article highlights ways of formation and functional peculiarities of urban phraseological units. Odessa and St. Petersburg are viewed as social and linguo-cultural areas and their idioms are taken as a source of samples for comparative analysis, employed to specify their standing within linguo-cultural areas of different external scales.

Современное общество развивается в условиях мощного глобализационного рывка. В связи с этим обостряются проблемы межкультурной и межъязыковой коммуникации, решать которые призваны специалисты многих гуманитарных наук. Важная роль в разработке вопросов межкультурной и межъязыковой коммуникации отводится сегодня лингвокультурологии. Э.Д.Хирш в своей теории культурной грамотности утверждает, что само её появление вызвано заметным падением общего культурного уровня американского общества и, как следствие, снижением коммуникативных способностей его представителей. В связи с этим учёный считает необходимым больше внимания уделять изучению иностранных языков, а в процессе их изучения – знакомству учащихся со специфическими ментально-культурными схемами, их символикой, ярлыками (цитатами, именами, датами, сокращениями, жестами и др.) (1, XII).

По нашему мнению, Э.Д.Хирш представляет упрощённое объяснение феномена современной коммуникативной парадигмы, хотя пути решения возникающих задач межкультурной коммуникации предлагает вполне приемлемые. Мы считаем, что глобализационные процессы, сопровождаемые бурным развитием форм и средств коммуникации, в десятки раз расширили круг лиц, включающихся в межкультурные отношения, и поставили перед обычным по физиологическим параметрам homo sapiens задачу освоения этих форм и средств. Человек в этом процессе, как правило, становится поликультурной личностью и полиглотом. Вместе с тем, процессы цивилизационного роста сопровождаются усилением специализации знаний, умений и навыков человека. С каждым десятилетием всё дальше в прошлое уходит понятие о «человеке энциклопедических знаний». Возрастают роль информационных технологий, печатных и электронных словарей, энциклопедий, справочников. Осознавая себя членом мирового сообщества и стремясь к познанию всего мира в его разнообразии, каждый человек тем не менее обладает целым рядом социальных признаков, будучи членом определённого гендерного, возрастного, расового, этнического, языкового, конфессионального, исторического, регионального, профессионального, культурного, субкультурного сообщества. И каждое сообщество, даже в границах отдельных национально-культурных пространств, создаёт, сохраняет и развивает свою коммуникативную самобытность.

Наше изучение проблемы соотношения коммуникативной глобальности и коммуникативной самобытности показывает, что глобализационные процессы не уничтожают, а переформируют систему стратификационной и ситуативной вариативности языка в структурном и содержательном аспектах.

Недостатком большинства современных лингвокультурных исследований является их преимущественная ориентация на коммуникативные особенности национально-культурного пространства, культурно-национальный опыт и традиции определённой языковой общности. Так, в представленном Ю.Н.Карауловым, В.В.Красных и некоторыми другими исследователями понимании прецедентности функционирования прецедентных феноменов ограничивается средой представителей определённого национально-лингвокультурного сообщества (2, 105-125; 3, 8-9). Изучение факторов формирования прецедентности имени, ситуации, высказывания, текста, социолингвистические закономерности функционирования языка в языковом коллективе заставляют нас усомниться в необходимости такого ограничения. Думается, при исследовании проблем межкультурной коммуникации, межъязыкового взаимодействия в лингвокультурологии должен учитываться, наряду с другими, критерий «внешнего масштаба», активно использующийся с начала XXI в. при изучении вопроса о прецедентных феноменах. Применение этого критерия позволило, кроме феноменов национально-прецедентных, выделить универсально- и социумно-прецедентные феномены (4, 173-183). Мы считаем прецедентные феномены ядерными элементами когнитивной базы не только определённого

національно-лінгвокультурного союбщества, но и определённого социально-лінгвокультурного союбщества. При этом широта охвата межкультурной коммуникации и междзыкового взаимодействия может варьироваться от социальной группы до общечеловеческого союбщества. Ведь любое национально-лінгвокультурное пространство развивается не само по себе, а благодаря воздействию, с одной стороны, социально-лінгвокультурных пространств, составляющих данное национально-лінгвокультурное пространство, с другой, – универсального либо регионального межнационально-лінгвокультурного пространства. В свою очередь, национально-лінгвокультурное пространство нередко воздействует на региональное либо на универсальное межнационально-лінгвокультурное пространство. Например, роман М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» прошёл путь от московского городского прецедентного текста (то есть социумно-прецедентного феномена) к национально-прецедентному, а затем и универсально-прецедентному. Думается, этому во многом способствовало использование автором в тексте прецедентных феноменов разных уровней (5, 150). Феномены национально-лінгвокультурного союбщества – это лишь большая группа прецедентных феноменов. Национально-прецедентные феномены обычно хорошо известны всем или большинству представителей национально-лінгвокультурного союбщества, имеют сверхличностный характер, актуальны в этом союбществе в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, что проявляется в возобновлении апелляции к ним в речевой практике представителей данного союбщества (4, 170). Социумно-прецедентный феномен может функционировать в рамках как одного, так и сразу нескольких национально-лінгвокультурных союбществ, универсально-прецедентный феномен – в межнационально-лінгвокультурном союбществе. Попытаемся показать это на примере функционирования фразеологизмов как лінгвосемиотических феноменов (6, 11), возникших в прецедентной ситуации на основе ставшего прецедентным текста, высказывания, имени.

Фразеологизм является одной из лінгвокультурных универсалий (7, 559). Различия этно- и социокультурных интерпретаций фразеологического семиозиса напрямую зависят от особенностей языковых картин мира разных этнических, корпоративных, профессиональных, конфессиональных, территориальных групп, от языковых картин мира и языкового опыта ярких личностей в каждой такой группе (8, 26). Так, фразеологизмы *Адамово яблоко*, *манна небесная*, *райское наслаждение*, *тридцать серебряников* и под. функционируют в межнационально-лінгвокультурном пространстве в виде языковых калек, поскольку являются универсально-прецедентными феноменами конфессионального межнационального союбщества христиан. *Несолоно хлебавши*, *бить баклуши*, *ложка дёгтя в бочке мёда*, *во всю ивановскую*, *коломенская верста*, *язык до Киева доведёт*, *щи да каша – пища наша*, *вот тебе, бабушка, и Юрьев день* и под. ограничены русским национально-лінгвокультурным пространством, поскольку используют русские национально-прецедентные имена. Ситуации, вызывающие прецедентность большинства таких фразеологизмов, могут лежать в основе прецедентных феноменов других национально-лінгвокультурных союбществ. Поэтому возможны междзыковые фразеологические соответствия. Однако часто фразеологизмы одного национально-лінгвокультурного пространства являются безэквивалентными во фразеосистемах других национально-лінгвокультурных пространств, а имеющиеся соответствия, как правило, различаются культурным, историческим, ментальным фоном. Наибольшую трудность при изучении проблем межкультурной коммуникации вызывают фразеологизмы пространств, меньших, чем национально-лінгвокультурное, то есть социально-лінгвокультурных пространств, в которых фразеологизм – это социумно-прецедентный феномен. Рассмотрим это на примере русских фразеологизмов Одессы и Санкт-Петербурга.

Лінгвокультурное пространство города формируется разными социальными и, как правило, этническими группами населения на протяжении продолжительного периода. Любой большой город является экономическим и культурным центром того или иного региона. История основания, заселения, развития города, жизнь, традиции, экономические, профессиональные предпочтения его жителей, особенности климата и географического положения, поведение горожан в периоды социальных катаклизмов воздействуют на лінгвокультурное пространство города, формируя прецедентные феномены, в том числе фразеологизмы – одну из обязательных черт самобытного городского койне. Фразеосистема речи каждого города состоит из двух больших блоков: общеупотребительного и подсистемного, который придаёт своеобразие этой фразеосистеме. Онтологические особенности хозяйственной деятельности, моноэтнической монолінгвистичной или полиэтнической многоязычной культуры того или иного города влияют на своеобразие использования определённых донорских и реципиентных концептосфер в процессе образования и трансформации фразеологизмов.

К оригинальным фразеологическим «одессизмам» и «питеризмам» мы относим, в первую очередь, те, основой для создания которых являются прошлые или сегодняшние реалии разных сфер жизни Одессы и Санкт-Петербурга. Среди этих фразеологических единиц (ФЕ) находим устойчивые словосочетания, сравнительные обороты, пословицы, поговорки, афоризмы, проклятия. Регионам функционирования

некоторых из них являются не только Одесса или Санкт-Петербург, чему способствует творчество писателей, режиссёров, актёров. Обычно такие ФЕ содержат компонент с локативными семами 'одесский' / 'петербургский'. В разных ФЕ эти семы могут быть яркими или слабыми. Например: 1) *Чем же штучки этого ненормального отличались от репертуара других **Одесских Жор**?* (9, 193). *Одесские жоры* – ¹"одесские барды, авторы и исполнители одесских песен; ²одесские интеллигентные сумасшедшие и пытавшиеся выдать себя за таковых". Аудиторией многих таких самодеятельных певцов-гитаристов и интеллигентных попрошаек были пассажиры трамваев и троллейбусов в 1950-е – 1970-е годы. 2) *...Вся моя жизнь проходит на "**одесском фоне**"* (9, 277). *На одесском фоне* – "в Одессе". 3) *Когда за бюстгальтером «одесского размера» приходила очередная клиентка, Нилина мать весело подмигивала...* (9, 343). *Бюстгальтер одесского размера* – "бюстгальтер большого (5 – 6) размера". 4) *Одесские панамы* – (в нач. XX в.) "крупные денежные аферы, экономические преступления, совершавшиеся в Одессе" и ряд гипонимов: *железнодорожная панاما, таможенная панاما, марочная панاما, почтовая панاما, водочная панاما, врачебная панاما, мыльная панاما, отпускная панاما, паспортная панاما, сахарная панاما* (10, 345-349). Во 2-ой пол. XX в. на основе метонимии возник новый фразеологизм *одесские панамы* – ¹"курортники"; ²"курортный сезон в Одессе". 5) *Для руководящего Киева понятия Одесса и "**одесские штучки**" во все времена были тождественны* (11, 12). *Одесские штучки* – "хитрость; двуличие; авантюра, авантюрный поступок". 6) *Одессу видно за километры* (9, 23) – "ты (вы) настоящий, -ая (-ие) одессит, -ка (-ы)". 7) *Вы в Одессе часто живёте? Или наездами?* (9, 261). *Жить в Одессе часто* – "вести себя по-одесски"; *жить в Одессе наездами* – "вести себя не по-одесски". 8) *Мы будем жить в дружбе самой тесной, как на одесской конке* (12, 17). Этот сравнительный оборот свидетельствует о тесноте и давке в одесском городском транспорте ещё в «дотрамвайную» для города эпоху, то есть до 1910 г. 9) *В Питере все углы сшиты* (13, 26). Питерские заведения на многих многолюдных углах С.-Петербурга к началу XX в. принадлежали семье Вильгельма (Василия) Шитта. В основе поговорки паронимазия: глагол шить паронимичен фамилии *Шитт*. 10) *Питер бока повытер. Кого Питер полюбит – калач купит, кого не полюбит – последнюю рубаху слупит* (13, 172), – о редкой удаче и более частом разрушении иллюзий на счастливую жизнь бедных людей в богатом, но жестоком Петербурге. 11) *Пойдёт в Питер с котомочкой, а придёт домой с ребёночком* (13, 186), – о драматических судьбах многих крестьянок, уехавших в столицу на заработки в XIX – XX вв. Эта пословица актуальна и сегодня. 12) *В Питере не пьют только четыре человека [У них руки заняты. Они коней держат.]* (13, 29), – о репутации Петербурга как города, в котором пьют много алкоголя. В ФЕ указывается на отсутствие такой возможности только у статуй юношей на Аничковом мосту.

На одесское или петербургское происхождение приведенных выше ФЕ непосредственно указывают присутствующие в них названия этих городов либо слова, производные от их названий.

В ряде одесских и петербургских фразеологизмов яркими семами 'одесский' и 'петербургский' обладают не родственные названиям городов Одессы и Санкт-Петербурга слова, а хорошо известные как языковые визитки этих городов урбанотопонимы (годонимы, эргонимы) и производные от них слова. Напр., в Одессе: *аристократы Молдаванки* – "авторитетные бандиты, воры"; *молдаванский уличный* – "дерзкий подросток с одесской Молдаванки"; *молдаванская школа* – ¹"школа, значительная часть учеников которой – дети незаконопослушных родителей"; ²"особый стиль жизни одесской Молдаванки"; *боженята пересыпские* – "обычно мелкие хулиганы и воришки с одесской Пересыпи". О старых одесских окраинах Молдаванке и Пересыпи неодесситам хорошо известно из популярной песни "Шаланды, полные кефали...". Названия этих районов Одессы ассоциируются, как правило, с самим городом. Даже в небольшом городке Ланьцуте (Łańcut) в польской Галиции в 2003 г. автору довелось услышать и увидеть, как пожилые поляки в пивной приветствовали друг друга этой песней. Широко за пределами Одессы известен одесский "Привоз" – наиболее популярный в Одессе продовольственный базар. Этот эргоним встречаем в ряде фразеологических одессизмов: *для Привоза / не для Привоза* – "на продажу, для продажи / не для продажи, для себя" (например, выращенные овощи, фрукты); *отвлечься с дачи на Привоз* – "заняться пополнением съестных припасов во время загородного отдыха"; *привозная подруга* – "знакомая по базару"; *Привоз большой* – "смогу купить в другом месте" (в ситуации торга покупателя с продавцом); *питаться с Привоза* – "есть только качественную пищу, приготовленную из самых лучших и дорогих продуктов". В Петербурге: *пока «Аврора» не выстрелит* – новый аналог национально-прецедентных *пока гром не грянет* – ..., *пока жареный петух в зад не клюнет* – *мужик не перекрестится*; *илифовать тротуары Невского проспекта / илифовать невские мостовые* – «шляться; бесцельно и праздно шататься»; *бросаться в объятия красавицы-Невы* – ¹«использовать невскую воду»; ²«зарабатывать на "дарах Невы", вылавливая из неё полезные находки»; ³«окунаться на Крещение в Иордань, вырубая в невском льду перед Зимним дворцом»; *каждому поколению своя блокада* – о трудной жизни петербуржцев в кризисные 1990-е годы; *шпана лиговская, чухна*

парголо́вская – названия представителей преступного мира Петербурга по территориальному признаку их обитания (районы Лиговского проспекта и предместья Парголово); **плюс-минус Нарвские ворота** – высшая степень неточности, приблизительности [триумфальные Нарвские ворота, заменившие в 1834 г. ветхие ворота 1814 г., были установлены в другом месте и из других, более прочных материалов (13, 176-177)]; **лекарь – из-под Литейного моста аптекарь** – о враче, который не лечит, а калечит [ФЕ основана на легенде о курсантах Военно-медицинской академии; кроме того, старинное здание петровской клиники для инвалидов со стороны выглядит так, будто оно находится под Литейным мостом]; **майские жуки** – выпускники гимназии Карла Мая, среди которых были Н.К.Рерих, М.В.Добужинский, А.Н.Бенуа, В.А.Серов и многие другие известные личности (13, 116).

В компонентах многих одесских и петербургских ФЕ семы 'одесский' и 'петербургский' слабая. Однако семантическая целостность фразеологизмов (14, 4) даёт возможность определить эти семы не для отдельных компонентов ФЕ, а для фразеологизма в целом. Самó отнесение ФЕ к «одессизмам» либо «питеризмам» свидетельствует о ярком характере сем 'одесский' / 'петербургский' во всех фразеологизмах этой группы, даже тех, которые не содержат компонентов с яркими семами 'одесский' / 'петербургский'. Напр., в Одессе: **я (ты...) с Малой Арнаутской** – "я (ты...) стреляный воробей" [улица Малая Арнаутская имеет в Одессе ярко выраженный культурный фон, описанный в ряде литературных источников (15, 41; 16, 36-46)]; **среднее между Средней и Среднефонтанской** – "так себе; посредственный, -о" (одесситы используют приём параномазии для выражения значения посредственности, объединяя в устойчивом обороте названия молдаванской улицы Средней и улицы Среднефонтанской, расположенной на Сахалинчике); **учиться у них на Островидова** – "обучаться в Консерватории или Музыкальном училище" (улицу Островидова (с 1995 г. ул.Новосельского) коренные одесситы часто ассоциируют с Консерваторией (Музыкальной академией) и Музыкальным училищем, которые здесь расположены); **оказаться / вылететь на полях орошения** – "быть убитым" [Поля орошения – болотистая местность между Хаджибейским лиманом и застроенной частью Пересыпи, где располагается первая в Одессе станция очистки сточных вод; убийцы издавна использовали камыши Полей орошения как надёжное место захоронения своих жертв]. В Петербурге: **пригласить на Чёрную речку** – ¹эвфемизм прямого вызова на боевой поединок; ²метафорическое требование немедленных объяснений по поводу неблагоприятного поступка, непорядочности [Чёрная речка – место дуэли Пушкина и Дантеса в 1837 г.]; **вошь да крыса до Елагина мыса** – формула бедности, основанная на контрасте роскоши Елагина острова и бедности соседних рабочих посёлков Невской губы; **поголодаю, поголодаю – и на Волково / и на Красненькое / да и пешком на Смоленское** – о плохом состоянии здоровья, о депрессии [трамвайные маршруты 4, 6, 11, проходившие по острову Голодаю (Голодай) или даже начинавшиеся там, заканчивались у разных петербургских кладбищ: Волкового, Красненького, Смоленского]; **рыбацкий куркуль – вместо корюшки омуль** – о хорошей доходности рыболовного дела на окраинах Петербурга [на петербургское происхождение указывает название рыбы корюшки, которая водится только в Неве; ФЕ основана на прибыльности рыбацкого труда переселённых Петром I в Рыбную слободу поморов]; **рыбацкое счастье** – в 1980-е годы получение квартиры в жилом районе Рыбацкое, на месте Рыбной слободы; **Блаженная Ксения поможет** – совет попросить помощи у Святой Ксении Петербургской.

В ФЕ интеграционно-сравнительного типа мотивации также встречаем компоненты пространственной ориентации, являющиеся названиями разных городских объектов. Напр.: **Идёт, как по Дерibasовской!** – "(идёт) медленно, вразвалочку". **Я охладела к Вам, как биржевики на Ланжероновской улице зимой** (12, 18). Только в Одессе есть Ланжероновская улица. На ней в досоветскую эпоху собирались биржевики, лапегутники, буржённики, решая деловые вопросы под открытым небом или в кафе Фанкони. **Точно, как из пушки** – от традиции ежедневного сигнального выстрела из вестовой пушки, производимого с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости ровно в 12 часов дня. Возникла эта традиция в 1856 г., когда в Петербург начали поступать по телеграфу сигналы точного времени из Пулковской обсерватории. **Непотопляемый, как «Аврора»** – об изворотливом, ловком человеке. В основе – ряд эпизодов из истории крейсера, в частности, спасение в Цусимском сражении, участие в революции 1917 г., швартовка в Ораниенбауме в 1940 – 1945 гг.

Переинтерпретация в одесском фразеологизме **зайти до Бабы Ути** – "перекусить в ресторане, буфете, кафе, столовой; посетить какое-нибудь питейное заведение (бodega)" происходит путём привлечения краеведческой информации одесситов об истории общественного питания в городе. Баба Утя первой открыла в Одессе пункт общественного питания (17, 406-407). Зайти до Бабы Ути – ФЕ ассоциативно-терминального типа мотивации, возникшая на базе симулятивной связи объекта и функции внутри суперконцепта 'человек'.

Посмотри на дюка с люка! – эвфемизированный одесский фразеологизм, соответствующий общеупотребительным негативно коннотативным *иди вон!*, *пошёл вон!*, *ты здесь лишний* и ряда их

грубых табуированных соответствий. В основе этого «одессизма» – реальный сценарий эротического зрительного эффекта, возникающего у человека, когда он смотрит на памятник герцогу (дюку) де Ришелье справа из определённой зоны Приморского бульвара, ориентиром которой служит крышка второго люка.

Фразеологический оборот модусного типа мотивации с компонентами пространственной ориентации **вокзал, базар и кишинёвский поезд** в 1940-е – 1980-е годы часто служил у одесситов формулой оценки тяжёлой, беспросветной, бедной трудовой жизни, как у крестьян, приезжающих из Молдавии с дешёвыми фруктами и овощами. Ср., в Петербурге: **Сенат и Синод живут подарками** – блестящий каламбур, соединяющий коррупционную суть властных структур с архитектурой зданий Сената и Синода, соединённых аркой, под которой начинается улица Галерная. **Менс сана ин «Квисисана»** (*Mens sana in Quisisana*) – трансформация латинской ФЕ *Mens sana in corpore sano* (В здоровом теле здоровый дух) – о безупречности ресторана «Квисисана», который был открыт в доме №46 по Невскому проспекту в начале XX в. и восстановлен сегодня.

Вокзал, базар, милиция, пожизненная охрана... (9, 64) – оборот смешанного типа мотивации со значением "самая горячая транзитная точка Одессы". **Сельмаг – сельпо – Ленинград-Московская товарная** – территория в Петербурге, совмещающая в себе индустриальный размах, организационную чёткость и невзрачные магазинчики для железнодорожных служащих, будочки стрелочников (13, 215-216).

Дать отскок на три франзоли – "не дать себя в обиду". Этот фразеологический «одессизм» пропозиционально-диктумного типа мотивации содержит лексический «одессизм» **франзоля** (18, 264-266). Отскок (= "отпор") – просторечный девербатив, образованный способом усечения основы от глагола *отскочить*.

Ряд ФЕ, появляющихся в отдельном городе, нередко проникают в национально-лингвокультурное пространство. Например, одесское *две большие разницы*, питерские *всякий сам себе Исаакий, съездить в Ригу, под одну гребёнку, почём фунт лиха*. [В основе предпоследней ФЕ – омонимия имени собственного и нарицательного: под руководством или при участии архитектора Н.П.Гребёнки в 1840 – 1870-е годы быстро, но без архитектурных излишеств было построено не менее 100 доходных домов, обычно похожих один на другой. В основе последней ФЕ – межъязыковая омонимия: по-фински *liha* – «мясо»; мясными и молочными продуктами до гражданской войны Петербург снабжался из сёл финского пояса, который был вокруг города].

Различия или близость лингвокультурных пространств, экономических, географических особенностей отдельных городов нередко приводят к образованию ФЕ, содержащих несколько городских сем. Напр.: **Уже не Одесса, но ещё не Петербург / Ещё не Одесса, но уже не Петербург** – о людях, которые, соответственно, ещё не набрались петербургского официоза либо одесской фамильярности, изменив место жительства. **Петербург будит барабан, Москву колокол; Питер женится, Москва замуж идёт; Москва невестится, Петербург женихается** – эти ФЕ отражают сущностную разницу двух российских столиц: военизированного, «подтянутого», строгого Петербурга и златоглавой, широкой, доброй Москвы.

Таким образом, рассмотрев часть подсистемного блока фразеосистемы русской речи одесситов и петербуржцев, а именно группы оригинальных фразеологических «одессизмов» и «питеризмов», мы можем утверждать, что коллективное когнитивное пространство каждого города отличается от универсального и национального когнитивного пространства. Среди фразем преобладают единицы с пространственным компонентом. Донорскими в процессе образования и переинтерпретации фразеологических урбанизмов чаще всего выступают такие домены и таксоны урбанокультуры конкретного города, как городское районирование, городское жильё, коммунальное хозяйство, городской транспорт, торговля, культура и быт горожан, реципиентными – разные сферы суперконцепта 'человек'. Концептуализация сем 'одесский', 'петербургский' и под. в городских фраземах осуществляется благодаря использованию урбанотопонимов, слов, обычное употребление которых ограничено данным городом и регионом активной экономической деятельности его жителей, общеупотребительных слов с оригинальными значениями, не известными за пределами города и региона, метафор, метонимий, сравнений, мотивированных местными географическими, социальными, экономическими, культурными реалиями и приоритетами. Лингвокультурное пространство отдельного города – разновидность социально-лингвокультурного пространства и содержит в себе элементы и межнационально-лингвокультурного, и национально-лингвокультурного пространства. Лингвокультурное пространство отдельного города является самостоятельным феноменом, заслуживающим внимания при изучении межкультурной и межъязыковой коммуникации.

1. Hirsch E.D.Jr. The Theory Behind the Dictionary of Cultural Literacy // The Dictionary of Cultural Literacy. – Boston, 1988.
2. Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // VI

- Международный конгресс МАПРЯЛ. Современное состояние и основы проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: Доклады советской делегации. – М., 1982.
3. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь /Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. – М., 2004. – Вып. 1.
 4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.
 5. Степанов Е.Н. Речь горожан в социальном и цивилизационном процессе // Язык современного города: Тезисы докладов международной конференции Восьмые Шмелёвские чтения. – М., 2008.
 6. Селіванова О.О. Нариси з української фразеології (психологічний та етнокультурний аспекти). – К.; Черкаси, 2004.
 7. Телия В.Н. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
 8. Степанов Е.Н. Одесские фразеологизмы в системе русской фразеологии // Мова: Наук.-теор. часопис з мовознавства. – Одеса, 2005.
 9. Пойзнер М.Б. С Одессой надо лично говорить... (Из подсмотренного и подслушанного). – Одесса, 2001.
 10. Файтельберг-Бланк В.А., Шестаченко В.В. Бандитская Одесса: «Двойное дно» Южной Пальмиры. – Одесса, 1999.
 11. Константинов В. Вальсы собачьего года: Заметки чужака о предъюбилейной и юбилейной Одессе. – Кишинёв, 1995.
 12. Одесский юмористический альманах. – Одесса, 1894. – Вып.2.
 13. Синдаловский Н.А. На языке улиц: Рассказы о петербургской фразеологии. – М. – СПб., 2006.
 14. Алефіренко М.Ф. Теоретичні питання фразеології. – Харків, 1987.
 15. Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. Золотой телёнок. – М., 1982.
 16. Александров Р. Исхоженные детством. – Одесса, 2000.
 17. Смирнов В.П. Большой полутолковый словарь одесского языка. – Одесса, 2003.
 18. Степанов Є.М. Російське мовлення Одеси: Монографія. – Одеса, 2004.